

Европейское право, европейское мышление, европейские ценности, европейское самосознание... Каждое из этих словосочетаний является устойчивым выражением. То есть,

Причём, как ни странно, тот или иной континент не определяет содержание этих понятий. Скажем, “африканское право” будет звучать так же абсурдно, как “австралийское самосознание”; но при этом “азиатское мышление” или “американские ценности” не раз-

Дмитрий Филиппов

дражают наш нежный слух. Всё объясняется достаточно просто – это цивилизационные определения, и география здесь играет вполне себе второстепенную роль. То есть, условную. То есть, никакой роли не играет.

Следующий важный момент – коннотация. Применительно к Европе и Америке (“прогрессивная часть человечества”) определения звучат с элементом превосходства. Произнося в заснеженной февральской России словосочетание “европейские ценности”, что-то уродливое сразу должно угадываться в собственном отражении. Ещё до недавнего времени конструкция на всех уровнях преподносилась как некий недостижимый идеал, земля обетованная, до которой не дотянуть, не доползти из похмельной, неумойтой северной страны. И происходило это не последние двадцать пять лет, как любят нам внушать с экранов телевизора. История эта тянется лет триста, с того момента как Петр наш Великий задумал и осуществил Великое посольство. Он потом много чего ещё осуществил, хорошего и плохого, но в прорубленное им окно глянул такой сквозняк, что многие горячие головы оказались застуженными. Этот сквозняк, кстати, все триста лет и будет нам аукаться.

Выражение “русское право” слух не режет, но необходимо признать, что из категории цивилизационной оно перешло в категорию этнографическую, что-то из времен Ярослава Мудрого, держащего в правой деснице Софийский собор. Но что касается самосознания, мышления и ценностей, то эпитет “русское” не просто применим, но ограничен. Русское самосознание (мышление, ценности) – это цивилизационное понятие. Такое же, как и русский мир.

По многим показателям Россия и Европа – родственные цивилизации. Мы принадлежим к одной расе, языки наши вышли из общего индоевропейского, и можно предположить, что где-то шесть тысяч лет назад наши общие предки отправились каждый искать свою судьбу. Самая распространённая, “куртанная теория” точкой сборки указываета междуцре Днестра и Волги, территории нынешних Кубани и Донбасса. Не было ещё никакой Европы, никакой Руси – просто бескрайние леса и поля, которые племена осваи-

существует строгий набор характеристик, присущих именно этим социальным конструкциям, и никаким другим. Выражения эти давно стали привычными и вошли в наш лексикон.

вали и включали в свою орбиту. Территорию Европы на тот момент населяли племена минойцев, лелегов, иберов. До наших дней сохранилась лишь одна не ассимилированная этническая общность тех времён – баски. Остальные народы развевались и были поглощены. Индоевропейские народы смогли захватить Европу, потому что были сильнее, умнее и быстрее: они

Отрицание гуманизма

уже изобрели колесо и гончарный круг. А дальше народы перемешивались, сливались, распались на группы... Такой доисторический тегтрис. Оформлялись языки. Образовывались этносы. Если германский, славянский и кельтский этносы оформились примерно в одно время, то греческий и армянский, к примеру, гораздо раньше всех остальных, примерно на тысячу лет. И так продолжалось до тех пор, пока не возникла колыбель цивилизации – Древняя Греция.

Это первая общность на европейском пространстве, которая обладает характеристиками цивилизации. Таких характеристик немного. Можно выделять экономические критерии, политические, общественные, культурные, но главным остаётся одно: след в мировой истории и системность социальной модели. По словам Э.Д. Фролова, “оригинальное качество цивилизации обусловлено оригинальным свойством каждого из структуробразующих элементов и их неповторимым единством”. И это оптимальное определение из всех возможных.

Вообще-то всё то, что мы понимаем под древнегреческой цивилизацией, – это верхушка айсберга с мифами о богах и героях, Олимпийскими играми, Платоном, Аристотелем и Гомером. В исторической реальности Древняя Греция – это комплекс цивилизаций, в которых минойская цивилизация жёстко конфликтовала с элладской, а городда-полисы находились в состоянии перманентной войны. Афиняне резали коринфян, спартанцы вообще резали всех подряд. Рабовладельческий строй был органично вписан в демократию полисов. И вместе с тем – расцвет культуры, архитектуры, естественных и точных наук, философии, поэзии, театра... Этот фундамент потом наследует Древний Рим, усилившийся по мере развития кризиса древнегреческой цивилизации.

Ни Древняя Греция, ни Древний Рим при этом не являются прямыми родителями европейской цивилизации. Как и древнеегипетская, вавилонская, ассирийская культуры – они являются общечеловеческим фундаментом, точкой опоры для всех народов. Ровно в этом же смысле Византизм не приходится матерью русской цивилизации. Всё это похоже на слоёный пирог, в котором каждый пласт обладает своими

вкусовыми качествами. Примерно до 13 века европейская и русская цивилизации шли параллельным курсом. У них – Каролинги и феодализм, у нас – Киевская Русь и раздробленность. Достижения культуры, признаем откровенно, у них были лучше и ярче наших, но не намного. Скажем, “Повесть временных лет” по своим литературным достоинствам вполне сопоставима с “Завоеванием Константинополя” Жоффруа де Виллардуэна, а романская архитектура по сложности и размаху равна древнерусскому зодчеству.

Но всё меняется в 13 веке. В Европе

начинается эпоха Возрождения, и тут нам нечем крыть. Собор Парижской Богоматери, Данте, Чосер, Боккаччо, а позднее Рафаэль, да Винчи, Микеланджело... Это принципиально иной уровень развития культуры и искусства. В Европе открываются университеты, философские школы, возрастает интерес к человеку и его микрокосму. В это самое время Русь задыхается от внутренних и внешних войн.

12-13 века – вот та точка бифуркации, после которой мы пошли своим путём, а Европа – своим. И это не хорошо и не плохо – это данность. Причиной стало ценностное отношение к человеку.

Средние века были достаточно жестоким временем, жизнь человеческая стоила дешево. При этом католическая христианская культура уже тогда находилась в кризисе. Отцы церкви решали свои мелкие задачи, определяя себя как необходимое и единственное звено между Богом и людьми. При этом истинной целью многих начинаний, от Крестовых походов до индугленций, была элементарная нажива. Это был период бесчеловечности в христианстве. В связи с этим европейское Возрождение – это не что иное, как бунт. Культура развернулась к античности, а от неё – к рядовому человеку. Так возник гуманизм.

Европейский гуманизм эпохи Возрождения – это, по сути, богоборческая тенденция, когда высшей ценностью объявляется человек с его свободами, правами, желаниями и красотой. Справедливости ради стоит отметить, что Ватикан сделал для этого всё возможное. Это было смело, ново и необычно. За это, на секундочку, отлучали от церкви и сжигали на костре. Это обусловлено всплеск культуры, прогресса, географических открытий. Возникла принципиально иная картина мира. И всё это прошло мимо России, но не потому, что мы оказались отсталыми и неприспособленными. Просто Россия не приняла этот ценностный поступат.

В современной культурной традиции термин “гуманизм” истолковывается абсолютно превратно; говорящий приравнивает его к христианским ценностям, что верно только по форме. Действительно, этические принципы гуманизма заимствованы из христианской традиции, но заимствованы очень кастрировано: без Бога. Чтобы не быть

голословным, приведу определение гуманизма, записанное в Уставе Международного гуманистического и этического союза: “Гуманизм – демократическая, этическая жизненная позиция, утверждающая, что человеческие существа имеют право и обязанность определять смысл и форму своей жизни. Гуманизм призывает к построению более гуманного общества посредством этики, основанной на человеческих и других естественных ценностях, в духе разума и свободного поиска, за счёт использования человеческих способностей. Гуманизм не теистичен и не принимает “сверхъестественное” видение реального мира”. Разумеется, всё это развилось не за один день и даже не за одну сотню лет, но необходимо внятно осознать одну простую вещь: европейский атеизм напрямую вытекает из гуманизма. Нищезнство с его сверхчеловеком – это результат развития принципов гуманизма. Помните у Достоевского, если Бога нет,

то всё дозволено. Вот на этом фундаменте основывается европейская культура. Поэтому выглядит достаточно смешно, когда Толстого, Достоевского и вообще русских писателей называют великими гуманистамими.

Русская литература не гуманистична по своей сути. Она космична. Для русского писателя в порядке вещей существование ценностей куда более значительных, чем человеческая жизнь, её права и свободы. Земля, Родина, вера, могилы предков, семья, правда и справедливость, добро, Бог, любовь... По сравнению с этими категориями человеческая жизнь вообще ничего не значит. И отдаёт её за них не жалко. И это не итог, к которому приходит русский писатель, а след за ним и русский человек, – это точка отсчёта. Основополагающий мировоззренческий принцип. И даже советская литература не является исключением.

На примере литературы любопытно и даже полезно сравнить отношение к Богу в советский период и в эпоху Просвещения. Соцреализм в его лучших образцах (Горький, Шолохов, Леонов, Лавренко, Катаев, Симонов, Абрамов и многие другие) при формальном безбожии оставался глубоко христианским на содержательном уровне: отдавать жизнь за други своя, за Родину,

за идеалы светлого будущего, трудиться честно и справедливо, жить по совести. Это традиционная православная матрица, имманентная ментальноту русского человека, его духу и природе. И наоборот, европейские просветители (Дидро, Монтескье, Вольтер, Юм, Руссо) проповедовали атеизм именно на содержательном, ценностном уровне. Мыслители настаивают на своём праве искать истину, где бы она ни была и чем бы ни угрожала общественным устоям. Нет границ. Всё дозволено.

Произнесу страшную мысль, но современная модель демократии, либерализм, рыночная экономика, капитализм и даже фашизм как крайний уродливый инструмент капитализма напрямую вытекают из идей гуманизма. Это их начало, росток, корневая система. Появление Ницше и Гитлера невозможно в русской культуре, на русской почве, потому что нет питательной пищи для их идей. Толерант-

ность, гей-парады, однополые браки с возможностью усыновления – это развитие идей гуманизма, ведь каждое “Человеческое существо имеет право и обязанность определять смысл и форму своей жизни!”. Также надо понимать, что эти процессы кажутся ущербными, если смотреть на них с русской цивилизационной платформы. Самых европейцев всё устраивает. По крайней мере, значительное их большинство. И это ни в коей мере не означает, что все европейцы безбожники, содомиты или фашисты. Просто данная цивилизационная модель размыывает понятие нормы. Её не существует. Нормально всё, что определяет смысл и форму твоей жизни. Законы человеческой этики подстраиваются под утверждение прав и свобод человека, даже если эти свободы противоречат нравственным императивам. Это внутреннее противоречие гуманизм не в силах разрешить, поскольку отказался от Бога, от понимания того, что человек далеко не всегда является высшей ценностью. Гуманизм заражает общество и культуру дефицитом иммунитета, поэтому, когда приходят варвары, европейская культура терпит поражение. У неё полностью отсутствует сопротивляемость враждебной среде.

В то же время европейский бытывает попадает в ценностный капкан. С одной стороны “я не согласен ни с одним вашим словом, но готов умереть за ваше право их говорить”, а с другой “европейские ценности единственно правильные и должны восторжествовать повсюду”. Собственно, отечественные либералы попадают в ту же ловушку. И это не проблема европейцев или русских либералов – это столкновение мировоззрений, полярно противоположных друг другу. Что является высшей ценностью: человек или Бог? На этот вопрос нельзя ответить эмпирическим путём: всё решает-ся на уровне веры. Родина, земля, справедливость, правота – для русского человека это всё о Боге, это всё спаяно с Ним прочно и неразрывно.

А русский либерал родился не вчера и даже не двадцать лет назад. Вспомним Фёдора Тютчева: “Раньше они говорили нам, и они действительно так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д. и т.п., что именно бесспорным наличием всего этого им и нравится Европа... А теперь что мы видим? По мере того как Россия, добиваясь большей свободы, всё более самоуверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливалась. Они никогда так сильно не ненавидели прежние установления, как ненавидят современные направления общественной мысли в России. Что же касается Европы, то никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации никогда не уменьшили их расположения к ней”. Это написано в 1867 году, и, как мы видим, отечественный либерализм имеет давнюю историю и традиции. Всё потому, что это вопрос мировоззрения, миропонимания, наконец. Помните пословицу: “Что русскому хорошо, то немцу смерть”? Так вот, они, отечественные либералы, – это немцы. И это настоящая трагедия: жить в стране, не чувствуя себя частью огромного целого, не зная почвы под собой, не радоваться её радостям, не ощущать себя частичкой великого. Потому что фундаментальный выбор “человек или Бог” разделяет больше, чем цвет кожи, язык, традиции или верования.

Хотелось бы мне сказать, что у каждой цивилизации свой путь, и нет в этом ничего страшного и губительного, но весь вопрос в том, что две взаимоисключающие мировые идеи не могут сосуществовать бесконечно: рано или поздно одна из них возьмёт верх.

У человечества есть только одна цель: построить Царство Божие на земле; в противном случае вся его история с войнами, подвигами, прорывами, открытиями и прогрессом не имеет никакого смысла. Гуманизм предлагает строить это царство без Бога. Нужно ли человеку такое царство, каждый решает для себя сам: на то и дана человеку свобода выбора. Богом дана. Важно понимать, что сам по себе гуманизм далеко не всегда тождествен социальному дарвинизму, атеизму или даже фашизму. Но гуманизм не отрицает их возникновение и существование. Именно поэтому я буду отрицать гуманизм.

Предисловие к книге поэтических переводов

Каждый человек – это своего рода живой компьютер, в душе и памяти которого, точно на жёстких дисках, накапливается генетическая, родовая и ментальная память, довольно значительный объём которой относится к категории его национальной культуры.

Это – тот язык, который он слышит вокруг себя с самого раннего детства и на котором говорят и он сам, и все окружающие его люди. Это – стихи и сказки, которые ему рассказывали в детстве мама или бабушка, песни, которые они пели над его колыбелью, книжки, которые они ему читали перед сном, пока он сам не научился этому волшебству. А также всё то, что составляет духовную основу того народа, к которому человек принадлежит.

Но на каком-то этапе жизни в его сознание начинают привноситься со стороны, как считываемые со вставленных в компьютер съёмных дисков-накопителей, некие дополнительные объёмы культурной памяти, не являющиеся базовыми для его интеллектуальной жизнедеятельности. К этой категории относятся зарубежные фильмы, поп-музыка и некоторые другие типы информации, включая обширные арсеналы переводной литературы, и в частности – стихи национальных и зарубежных авторов, переложённые на язык современной русской поэзии.

В этой категории культурной памяти встречается много наносного, второстепенного и случайного, а то и откровенно вредного для души (вроде бесконечных фильмов-ужасов, сарг по добрых зомби и иной продукции масскульта), однако есть и произведения, демонстрирующие оригинальные художественные стили, увлекательные сюжеты, своеобразные философские концепции и просто – относящиеся к образцам настоящей высокой поэзии.

К этой привносимой (как с флеш-дисков) дополнительной памяти можно относиться по-разному – можно обращаться к ней постоянно или только время от времени, воспринимать на равных с базовой культурой своего народа или же всего лишь как необязательное приложение к ней, любить её, как свою родную, или только снисходительно просматривать её для общего знакомства.

Можно вообще забыть о ней, как мы иногда забываем о лежащих в ящике стола дисках с какой-то неактуальной для нас в текущий момент информацией. Но ценность записанных на ней файлов от нашего внимания или невнимания к ним не убывает, и если на ней сохранится что-то по-настоящему прекрасное, то оно таковым и останется; и когда мы однажды воткнём этот обнаруженный в столе съёмный диск в приёмный порт компьютера, то поймём, что сохранили его не напрасно.

Именно такой памятью, привносимой в мою жизнь с неких накопительных дисков, являющихся для меня стихи и поэмы национальных и зарубежных поэтов, которые я время от времени перевожу на русский язык, получая от этой работы такое же колоссальное удовольствие, как и от написания своих собственных произведений.

Наверное, считать эти переводы стопроцентно моими собственными произведениями нельзя, так как составляющие их мысли, сюжеты и образы принадлежат всё-таки другим людям. Но мне очень хотелось, чтобы их произведения как можно лучше и ярче прозвучали по-русски, стали по-настоящему близкими российскому читателю, и поэтому в них присутст-

вует немножко больше меня, чем, наверное, следовало бы.

Хочется верить, что привнесённые мною в татарскую, якутскую, украинскую или же в болгарскую или вьетнамскую поэтику элементы русскости не лишили их присущего им своеобразие, и они остались такими же прекрасными, как и в оригинале. А прекрасного, на мой взгляд, никогда не бывает много...

Николай Переяслов

Не исключено, что кто-нибудь обязательно посетует на то, что переводчик, дескать, должен быть более нейтральным по отношению к переводимым им текстам и безжалостно отсекает всё то, что является частью его собственных чувств и переживаний. Но мне хотелось, чтобы диски со стихами открытых мною однажды национальных авторов и иностранных поэтов не валялась в глубинах письменного стола русской культуры, а как можно чаще использовалась ценителями поэтического слова, обогащая их удивительно богатыми образами, чувствами и мыслями. Мне хочется, чтобы, прочитав представленные в этой книге переводы, читатель искренне пожалел, что не открыл для себя этих поэтов раньше. Потому что стихи – это не просто гармонично выстроенные в столбик слова, создающие запоминающиеся художественные образы, стихи – это дороги, по которым мы приходим друг к другу, это мосты, соединяющие различные народы и культуры, и сегодня эти мосты нуждаются в неотложном ремонте.

Надеюсь, что того, что представлено мною в этой книге, хватит хотя бы на пару надёжных опор, а там, глядишь, подоспел и новая помощь. Потому что стремление познать душу своих соседей никогда не исскажало ни в гражданах России, ни в жителях наших братских национальных республик и разбросанных по всему свету держав. А можно ли это сделать лучше, чем при помощи стихов? Воткнул диск-флешку в “компьютер” своей памяти – и прибавился к поэтическому слову любого из тех народов, с которыми мы веками жили, как члены нашей единой общей семьи да и всего мира...

Багатер АРАБУЛИ

Перевод с грузинского

ЖИЗНЬ

Жизнь всё смешала – чёрный с белым цвет, объясняя с предательством, мёд с ядом. И мы ступаем в собственный свой след, порой встречаясь со своим же взглядом. Нас так влекли любовь и красота! Но вкралась в душу подлость, как Иуда, и предали мы счастье, как Христа, убив в душе прекраснейшее чудо.

Уж брата брат распят на сплетнях рад, ближайшим людям в мире – не ужиться. И так идёт который год подряд, и карусель кружится и кружится.

Жизнь всё мешает чёрный с белым цвет, объясняя с предательством, мёд с ядом.

И мы ступаем в собственный свой след, и нам с собой столкнуться страшно взглядом...

Рамис АЙМЕТОВ

Перевод с татарского

ПРОСНИСЬ, ДУША...

Собаки воют... Город спит пока, укрывшись ночи одеялом ватным. Слышна во тьме молитва ветерка – звуча и грешным, и не виноватым.

Ночь видит, как моя душа болит, заслышав вой собачьей стаи где-то. За что же мир в ночи огнём облит, не дожидаясь утреннего света?

Стихи – как дороги друг к другу

И снова ветер тонкий вой принёс сквозь ночи даль, что темнотой продута, где, как бездонный, одичавший пёс, мой стих не может отыскать приюта.

Луна в испуге, горизонт звенит, мерцают звезд белёущие лица. Душа исходит горечью в зенит. Не Музы ль с неба в дверь мою стучится?

Давай, проснись, душа моя, проснись! Летят Икары над землёй, рискаю. Не мой ли стих, закинув морду ввысь, скульпит во тьме, один в ночи тоскуя?..

Флориан ЛАФАНИ

Перевод с французского

РАНА

Я порезался острым осколком разбитых небес. Капля крови упала на море – и высохло море. Капля боли упала на мир –

и там вспыхнуло горе.

Но я смерть обманул, заведя её в звёзды, как в лес.

Всё труднее дышать. И всё меньше надежды в крови.

Будто тонешь в пучине, крича себе в страхе: “Плыви!..”. Но пока остаётся хоть вздох, этот вздох – для любви.

От тебя мне хватило б и слова, чтоб ринуться вдале, и, туман миражей разогнав, встретить новую битву,

твёрдо шагу держа и творя в своём сердце молитву ради тайного взгляда, что прячет до срока вуаль.

В моём сердце звучат и мифический голос сирен, и мотив твоей песни, что слышится мне из-за стен.

И они не дадут превратиться любви моей – в тлен.

Хыу ТХИНЬ

Перевод с вьетнамского

ПАМЯТИ БРАТА

Ну вот я и в Фан Тьете... Здравствуй, брат!

Ты будто себя не взял здесь ни былинки. Вот холм стоит, как великан былинный, густой травой, как пламенем объят. Смотрю вокруг – всё это ты, мой брат.

Ты был – солдат. И, совершив бросок через леса и горы, вышел вскоре

на этот берег, где увидел море – через прицела суженный глазок. В окопе тесно, сыплется песок...

Вот над прибоем – чайка прокричала... Ты видел море.

Сердце так стучало и вдале рвалось – как шхуна от причала, в высоких мачтах слыша ветра гул... И этот ветер – нынче снова дул.

Тьму небосвода звёздный жар прожёт. Солдаты шли, чтоб мир спасти от горя, через леса и горы... Вот и море! Но сердце свёл смертельной боли шок, когда до цели был всего вершок.

Ты здесь, мой брат! А я тебя искал, себе надежду в помощь взяв, как посох, в горах Тянь Каня, на крутых откосах Дак То, Ша Тайя и Дат Пега скал... Нас общий дождь зовёт яро полопскал.

Я повторил весь твой последний путь, был там, где ты изведаль лихорадку. Я каждый шаг твой помню по порядку – по всем фронтам! Осталось чуть свернуть, и ты – у моря... Но судьбы тетрадку – нам не дано назад перелистнуть, одно вписав, другое – зачеркнуть.

Какого цвета был морской прибор, когда ты принял свой последний бой? – О том сейчас молчат морские воды. Но ты стоишь, стоишь все эти годы на том холме, закрыв страну собой. Ты стал травой, стал высью голубой. Ты навсегда останешься со мной...

Ах, как похожи стебли здешних трав на благовоный палочник! Бывало, на праздник, дом украсив и прибрав, на алтаре их мама возжигала...

Холмы Фан Тьета горбятся устало – знать, и на них легло беды немало... Ночь приглушает на шоссе гудки. Мерцают город жёлтыми огнями.

Не спишь лишь ты, мой брат, да рыбаки, и море плещет тёплыми волнами, как будто длит беседу между вами...

Дрожат вдали Фан Тьета огоньки. Ты вечно с нами, брат. Ты вечно с нами.

Гассан аль-КУНАИЗИ

Перевод с арабского

СИЛА СТРАСТИ

Красота – это гостяя из тех лучезарных высот, что доступны не всяким, но, если кому повезёт – надо быть начеку, чтобы с катушек башка не слетела от восторга, в каком и душа пленится, и тело. Вот рука, что я знаю не хуже, чем знаю свою – ту, что ныне скользит по ногам твоим, бёдрам и дальше... Вот душа – вся, как плач, – что противится сна забытию и вхождению в безумную явь, чем наполнена фальшью. Что за странная близость! Мы будто утратили вес,

ничего не осталось – лишь наших объятий беспечность. Слышном много дано нам сегодня по воле небес, этот день превращая в сладчайшую жаркую Вечность.

Никакими словами не выписать этот экстаз! Никакими стихами не спеть песню праздника тела, когда влага любви орошала, как дождиком, нас и, все боли гася, как бальзам, страсть струной в нас звенела!..

...Когда тело – ветшак, наполопнившись старческих мук, нужно вновь возжелать тех ночей, что дарили нам счастье. Смерть – как раз и крадёт-ся по пальцам дряхлеющих рук, когда те забывают объятия сжигающей страсти.

Салах Абдель САБУР

Перевод с арабского

НОЧНЫЕ ВИДЕНИЯ

Каждый раз, когда в полночь – на память о прожитом дне – отыграют часы в тишине колокольно и гулко, я зову в собеседники тень, что дрожит на стене, и в прошедшую жизнь свою память веду на прогулку.

Я иду по судьбе, собирая, как деньги в ларец, свои прошлые лики и прошлые метаморфозы, и встречают меня – несмышлёныш, страдалец, мудрец, и приходят в согласие смех мой и горькие слёзы.

Все ошибки свои, всю гордыню и неправоту я сплетаю в верёвку и, сбросив тщеславья котурны, долго лезу по ней на раскаяния высоту, обнимая всю землю под сладкие звуки ноктурна.

Я ищу себе угол, бродя по селеньям земным, чтоб явиться туда, откуда незнакомым для всех чужеземцем с сетью складок на лбу

и сияньем в глазах золотым, с лёгким телом хмельным и туманным, но радостным сердцем...

Тайный шёпот вокруг и сосущая душная тьма, а в груди моей – воздух любви, распирающей лоно и готовый пролиться (сводя меня этим с ума), словно жаркое семя, в постели счастливых влюблённых.

В дрожи тонких ветвей и в блуждающем беге ручья чую дивные ритмы стихов

(да записывать – поздно!) Тает время моё. Тает чудная полночь моя.

И меня возвращают обратно звенящие звёзды. И, врата распахнув на пылающий жаром Восток, входит в мир новый день,

и мой ноктюрн разбивая на части. И спываю себя я, – как крошки, на чистый листок, –

чтобы ими кормить стаи рыщущих в веке несчастий...